Oriental Studies, 2009, №1, С. 52-56
Опубликована: Янв. 1, 2009

Противодействие тайного советника и губернатора в.н. татищева планам ханши джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в.

Торопицын Илья Васильевич
К.и.н., доцент Астраханского государственного университета

Аннотация

Статья посвящена истории политического кризиса, начавшегося в Калмыцком ханстве после смерти Дондук-Омбо и связанного с желанием вдовы ханши Джан захватить власть, несмотря на противодействие царских властей. Стремясь к трону, Джан безуспешно пыталась опереться на поддержку персидского шаха.

Ключевые слова: томутыкалмыцко-персидские переговоры, Калмыцкое ханство, Бодонг, Джан, В.Н. Татищев, Арала, Назир-шах, Астраханская губерния, Кабарда

Борьба феодальных группировок за власть в Калмыцком ханстве, обострившаяся в начале 40-х гг. XVIII в., создала много проблем российским властям. Калмыки, действуя в русле российской внешней политики, играли важную роль в укреплении военно-политических позиций России на Кавказе и в Причерноморье. Поддержание стабильности в Калмыцком ханстве отвечало геополитическим задачам России в Кавказском регионе.

Для урегулирования междоусобных противоречий в калмыцкие улусы в 1741 г. был направлен тайный советник В.Н. Татищев, которому дали задание примирить враждующие группировки калмыцкой знати и утвердить в качестве наместника Калмыцкого ханства владельца Дондук-Даши, на кандидатуре которого российское правительство остановило свой выбор. В распоряжение В.Н. Татищева была предоставлена команда донских казаков численностью в 1000 человек. Он имел также право требовать себе помощи от руководства Персидской экспедиции, начальника которой - генерал- лейтенанта А.И. Тараканова (командовал войсками на Царицынской линии) - обязали оказывать В.Н. Татищеву необходимое содействие [РГВИА. Ф. 20. Он. 1/47. Д. 127. Л.л. 15 об, 25, 25 об.].

Несогласную с данным решением партию калмыцких феодалов возглавила Джан, вдова хана Дондук-Омбо, кабардинка по происхождению. Оказывая активное силовое давление на калмыцких владельцев с помощью своих сторонников, в числе которых находился и Бодонг, брат Дондук-Даши, она стремилась утвердить ханом своего старшего сына Рандула.

Этот период в жизни Калмыцкого ханства характеризуется столкновениями противоборствующих группировок, разорением соперничающих улусов, гибелью значительной части калмыцкого населения. Напряженность в ситуацию вносила сложная обстановка на Кавказе, вызванная присутствием в Дагестане персидских войск, направленных Надир-шахом для покорения лезгин и других кавказских народов.

Под давлением российских властей калмыцкие владельцы вынуждены были согласиться с назначением на должность наместника ханства Дондук-Даши. 25 января 1742 г. Военная коллегия, получив донесение от командующего войсками на Царицынской линии генерал-лейтенанта А.И. Тараканова, отрапортовала Сенату об окончании Калмыцкой комиссии. А.И. Тараканов писал, что ханша Джан исполнила повеление правительства и принесла вместе со всеми калмыками присягу

Дондук-Даши, назначенному наместником, отпустила бывшие при ней улусы. Все калмыки перешли кочевать на правую сторону реки Волги. В целом генерал характеризовал ситуацию в Калмыцком ханстве как весьма спокойную. Приданные Калмыцкой комиссии драгуны и солдаты были отправлены на зимние квартиры [РТАДА. Ф. 248. Кн. 418. Л. 62 об.].

Вскоре после этого ханша Джан по совету зай- сангов Аралы - Куссна и Деижиа - покидает пределы России и перебирается вместе с сыновьями к своим родственникам в Кабарду, которая стала по Белградскому договору (1739 г.) нейтральной территорией между Россией и Турцией. Вместе с ней из России уходят её сторонники и 400 кибиток то- мутов[1]. По сведениям, доставленным донскому атаману Д. Ефремову из Крыма 26 февраля 1742 г. казаком В. Пушкаревым, вместе с Джан к Кабарде ушло 3 тысячи кибиток калмыков, которые обосновались «на Куринских вершинах». Эти сведения он получил от кубанского сераскира и ногайского Касая-мурзы [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 84. Л. 13].

18 февраля 1742 г. российский резидент И. Калушкин сообщил из Дербента, что ханша Джан через тарковского шемхала ищет протекции персидского шаха [4, с. 317]. О том, что Джан ищет протекции персидского шаха, сообщил российским властям и наместник ханства Дондук Даши [АВПРИ. Ф. 119. Он. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2].

Джан рассчитывала на его содействие в решении вопроса о назначении Рандула калмыцким ханом и возвращении ему улусов Дондук-Омбо. Персидский Надир-шах, лагерь которого располагался в окрестностях Дербента, принимает посланца Джан некоего Эшема. Стороны обмениваются письмами и ведут устные переговоры. Рандул обосновывает свои претензии на ханский престол тем, что является законным наследником Калмыцкого ханства после своего отца Дондук- Омбо, который был утвержден в этой должности императорским указом. Рандул обращает внимание Надир-шаха на то, что его отец служил России во время минувшей русско-турецкой войны, в то время как нынешний наместник ханства Дондук- Даши якобы содержался в то время под арестом. Но после смерти отца ханский престол и все принадлежащие ему улусы достались не

1. Томуты – выходцы из казахов, которые поселились скалмыками, часть томутов сохранила ислам, жениласьна калмычках, выдавала за калмыков своих дочерей.При хане Дондук-Омбо их было около 600 кибиток.Командовал ими старшина Кусеп, который по приказуДондук-Омбо многих калмыцких владельцев «перерезал». Дондук-Омбо имел томутов при себе в качестве личной охраны. Так же поступила и его вдова Джан.

ему, а были отданы российским правительством Дондук- Даши. По этой причине он с родственниками и верными ему зайсангами вынужден был покинуть ханство и скрываться на русско-турецкой границе. Рандул выразил мнение, что причина подобного отношения к его семье со стороны российских властей кроется в том, что властям стало известно о тайных переговорах, которые вел с шахом его отец. Он знал, что Дондук-Омбо отправил посланца к Надир-шаху, когда тот был в Хивинском ханстве, что персидский шах принял его и направил ответную грамоту калмыцкому хану, которая попала в руки астраханских властей. По этой причине Рандул не знал содержания шахской грамоты, но был уверен, что российские власти будут теперь его преследовать [АВПРИ. Ф. 119. Он. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 3-4].

Персидский шах согласился оказать помощь Рандулу в борьбе за ханский престол. Но, по словам зайсанга Денжина, объявил посланцам Джан, что, имея с Россией мир, он не может помогать ей силою, но будет ходатайствовать за нее перед российскими властями [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 395 об - 396]. Этот ответ не устроил Джан, и она направила нового посланника к Надир-шаху. Подробности новых калмыцко-персидских переговоров остались в тайне, но дворянин Мещеряков, находившийся в салтанаульских аулах, в своем донесении указал, что шах объявил присланным от ханши Джан, что намерен в апреле 1742 г. идти на Россию с войною [ГААО. Ф. 394. Он. 1. доп. Д. 16. Л. 46].

Российскими властями были предприняты энергичные шаги по возвращению Джан с ее сыновьями и сторонниками в Россию и предотвращению возможного ухода других калмыцких владельцев в Персию. Коллегия иностранных дел поручила 14 февраля 1742 г. астраханскому губернатору принять меры к пресечению «пересылок» ханши Джан с персидским шахом. Губернатор В.Н. Татищев потребовал от кабардинских и салтанаульских владельцев содействия в поимке мятежной ханши и её людей [Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. 1. С. 203 - 204, 225]. В письме к наместнику Калмыцкого ханства Сенат советовал принять меры к тому, чтобы никто из калмыцких владельцев не мог уйти к персидскому шаху [АВПРИ. Ф. 119. Он. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2 об.].

В Кабарду был направлен секунд-майор Е.В. Татищев, состоящий на службе при Комиссии калмыцких дел. Он стал свидетелем контактов Джан с посланником персидского шаха, прибывшим с ответом от Надир-шаха. Появление в Кабарде

представителя российских властей смутило не только участников калмыцко-персидских переговоров, но и кабардинских князей, в присутствии которых осуществлялись эти контакты. Астраханский губернатор получил сведения, что посланника персидского шаха из Кабарды отпустили обратно, не дав ему никакого ответа. При этом братья Джан - М. Кургокин и К. Атажукин были против её контактов с Надир-шахом [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 396].

Переговоры Е.В. Татищева с мятежной ханшой и её кабардинскими родственниками проходили в атмосфере недоверия. Как отмечал Е.В. Татищев в своих показаниях, данных Военной коллегии 15 марта 1743 г, ханша Джан была весьма обнадежена протекцией персидского шаха и не желала возвращаться в калмыцкие улусы, опасаясь за свою жизнь и судьбу своих детей. Секунд-майору пришлось достаточно долго пробыть в Кабарде, прежде чем удалось склонить Джан и её братьев к тому, чтобы она с детьми вернулась в Россию. По настоянию Е.В. Татищева кабардинские князья под полученные от астраханского губернатора гарантии безопасности для Джан и ее детей в итоге выдали их ему. При этом томуты отказались возвращаться в калмыцкие улусы и направились на Кубань. Е.В. Татищев во главе своего отряда вместе с кабардинцами стал их преследовать и при переправе через реку Куму вступил с ними в бой. В ходе сражения было убито около двухсот томутов. Захваченных женщин и детей, принадлежавший томутам скот Татищев привел в калмыцкие улусы на Волгу вместе с Джан и её детьми [РГАДА. Ф. 248. Кн. 424. Л. 4 и об.]. Однако значительной части томутов во главе с владельцем Кусепом все же удалось пробиться и уйти на Кубань [АВПРИ. Ф. 115. Он. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3].

Покидая Кабарду, Джан оставила там зайсанга Аралу для продолжения переговоров с Надир- шахом, посланник которого отказался вести их в присутствии российских представителей в Кабарде. По возвращении в Россию Джан, убедившись, что ситуация с решением вопроса о возвращении ей улусов мужа, складывается не лучшим образом, решает бежать в Персию. Однако обстоятельства (усиленный надзор со стороны российских властей и болезнь сына её сторонника Бодонга) помешали ей осуществить задуманное. Джан решила переждать лето и с наступлением осени повторить попытку побега из России, приказав своим сторонникам ожидать от нее

приказаний, которые должны были передать зайсанги Денжин или Ню- дель.

Подробности переговоров между Джан и Надир-шахом стали известны властям в результате расследования, которое провел астраханский губернатор В.Н. Татищев, допросивший в качестве свидетелей приближенных Джан. В его руках оказались письма от Надир-шаха к ханше Джан, которые передал зайсанг Денжин. Они стали документальным свидетельством стремления части калмыцких феодалов покинуть пределы России. Татищев добивался получения черновиков тех писем, которые писала сама Джан персидскому шаху, а также самого первого письма персидского шаха к ней, но Денжин ответил, что эти письма увез с собой на Кубань тому тс кий зайсанг Кусеп [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 399 об.].

С целью недопущения ухода калмыков за границу по указанию В.Н. Татищева улусы Джан были переведены за Царицынскую укрепленную линию, семья Бодонга была арестована, а самого его верным калмыкам приказано было захватить за солидное вознаграждение живым или мертвым [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 396 и об.]. Правительство одобрило меры, предпринятые астраханским губернатором, и предписало тайно разведать о том, не было ли контактов с посланниками Надир-шаха у самого наместника ханства Дондук- Даши.

20 июля 1742 г. брат наместника Бодонг вместе с младшими детьми Джан сбежал из-под Астрахани в Кабарду. В том же году ханша Джан со старшим сыном Рандулом была выслана в Санкт-Петербург, где ее впоследствии крестили под именем Веры Дондуковой.

Возвращение детей Джан стало новой насущной заботой астраханских властей. Посланные в Кабарду из Астрахани дворяне, возвратившись 5 октября 1742 г, объявили, что Бодонг «их едва на краткое время к себе допустил, а затем ни с кем видеться не дал». Отказ вступить в переговоры с представителями российских властей мотивировался опасением подвергнуться репрессиям. Бодонг был уверен, что российские власти арестовали его брата Дондук-Даши и даже лишили его жизни [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 395]. Допросив одного из приближенных Джан зайсанта Денжина, астраханский губернатор выяснил, что ханша отдала приказ Бодонгу не возвращаться в Калмыцкое ханство. Видя, что её хитрость раскрыта, Джан вынуждена была сознаться, но взяла всю вину на себя, выгораживая своих зайсангов. Несмотря на это, В.Н.

Татищев приказал приставить к ханше двойной караул и велел посторонних без разрешения к ней не пускать, а зайсангов Денжина, Нюделя и Цаичия отдал указание содержать под арестом [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 395 и об.].

31 октября 1742 г. астраханский губернатор направил в Санкт-Петербург новое донесение, в котором сообщил дополнительные подробности о калмыцко-персидских переговорах. Ему стало известно, что ханша Джан уговаривала Надир-шаха прислать войска для принятия её с детьми и всех ее сторонников в персидское подданство. Присланному от персидского шаха посланцу Рандул в присутствии зайсангов Кусепа, Ар алы и Денжина принес присягу на подданство. Калмыцкие владельцы утверждали, что без военной помощи со стороны Надир-шаха им не удастся прорваться в Персию, так как им будут препятствовать в этом горские владельцы и российские войска. По сведениям В.Н. Татищева, шах принял эти доводы и обещал прислать за ними войско, только не уточнил, в каком количестве [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 454].

В конце октября 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило письмо от бригадира Фролова-Бегреева, командовавшего войсками на Царицынской линии, который сообщил, что ему стало известно о намерении персидского шаха принять в подданство всех калмыков. Его информатор утверждал, что персидский шах через одного из жителей Кизляра уговорил всех калмыцких старшин, в том числе и самого Дондук-Даши, перейти под его покровительство. Астраханский губернатор не поверил этим сведениям, так как считал, что у наместника Калмыцкого ханства не было причин изменять России. Он понял, что эти сведения касались ханши Джан и ее сторонников, поэтому дал секретное наставление дворянам, которые находились в калмыцких улусах, чтобы они собирали сведения о фактах переписки наместника и других зайсангов с зарубежными правителями [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 454 об., 455]. Тем не менее, до Дондук-Даши дошла информация о том, что его подозревают в связях с шахом. Об этом указывалось в письме, которое ему передал начальник Персидской экспедиции генерал-лейтенант А.И. Тараканов. В.Н. Татищев постарался погасить конфликт, объяснив наместнику, что переводчики А.И. Тараканова ошиблись и неправильно передали содержание письма, что наместника никто не подозревает, а содержание касается только ханши Джан и ее людей. Дондук- Даши принял извинения астраханского

губернатора, но, по словам В.Н. Татищева, при этом «весьма не весел остался» [РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Кн. 203. Л. 455 об.].

В начале 1743 г. из Астрахани в Кабарду для захвата салтанаульских татар был направлен военный отряд под командованием астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова. В секретной инструкции, данной астраханским губернатором дворянину Ф. Черкесову, посланному с этим отрядом, отдельными пунктами было предписано требовать от кабардинских князей М. Кур го кин а, К. Атажукина и других выдачи детей хана Дондук-Омбо и всех находящихся при них калмыков [РГВИА. Ф. 482. Он. 1. Д. 184. Л. 32 и об.]. При этом Ф. Черкесову было поручено стараться выманить из Кабарды ханских детей и целыми и невредимыми доставить в Астрахань или Кизляр, а Бодонга и зайсанга Аралу рекомендовалось захватить живыми или мертвыми [АВПРИ. Ф. 77. Он. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 46].

Кабардинские владельцы не сразу подчинились требованию астраханских властей. Ф. Черкесову пришлось их заверить, что наместник Калмыцкого ханства не причинит никакого вреда ни детям Дондук-Омбо, ни тем калмыцким владельцам, которые вернутся с ним в Россию. Когда же переговоры о выдаче калмыков из Кабарды завершились, выяснилось, что Бодонгу со своими сторонниками удалось скрыться [РГВИА. Ф. 482. Он. 1. Д. 184. Л. 274].

Бодонг со своими людьми хотел уйти к персидскому шаху, но не был пропущен через пограничные российские форпосты. При прорыве через границу его отряд был разбит. Бодонг отступил и некоторое время скитался в предкавказских степях, нападая на соплеменников. Во время одного из таких междоусобных столкновений на реке Байволе при урочище Хнитубе в сражении с войсками наместника Калмыцкого ханства был убит зайсанг Арала - ключевая фигура в калмыцко-персидских переговорах, его сторонник зайсанг Цойжип был взят в плен [РГВИА. Ф. 482. Он. 1. Д. 184. Л. 275]. Потерпев в марте 1743 г. поражение от отрядов Дондука-Даши, Бодонг ушел в сторону Кабарды. Астраханский губернатор призвал владельцев баксанской партии при случае арестовать Бодонга и выдать в Кизляр [РГВИА. Ф. 482. Он. 1. Д. 184. Л. 275], но обнаружить его не удалось. Впоследствии выяснилось, что Бодонг ушел на Кубань, где был принят сераскиром Салим-Гиреем. Несмотря на настойчивые просьбы российских властей, кубанский сераскир отказался

выдать его России и просил, чтобы его простили [АВПРИ. Ф. 115. Он. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3об., 4 об.].

После гибели зайсайга Аралы контакты представителей партии Джан с Надир-шахом более не возобновлялись, однако, известно, что наместник Калмыцкого ханства сам вступил в тайную переписку с правителем Персии. Так, 29 мая 1745 г. полковник Н.Г. Спицын, состоящий от российского правительства при наместнике Калмыцкого ханства, донес, что Дон- дук-Даши намеревается перейти на сторону Персии. Впрочем, смерть Надир-шаха в 1747 г. положила конец надеждам наместника ханства и части калмыцких феодалов сменить российское подданство на персидское.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. 482.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77. 115. 119.

Архив князя Воронцова. Т. I. М.. 1870.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248.

Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394.